

УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ, НАКАЗАНИЕ И МЕРЫ ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРИНУЖДЕНИЯ¹

А. С. Барабаш, аспирант

В Основах уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик закреплена норма (ст. 43), выражающая подлинный гуманизм советского законодательства. В ней сформулирован институт освобождения от уголовной ответственности, четко определен перечень оснований освобождения от уголовной ответственности и наказания.

На первых порах после принятия Основ различие между понятием уголовной ответственности и наказанием не проводилось. Так, по мнению И. С. Самощенко, «юридическая ответственность есть, прежде всего, возложение на соответствующее лицо предусмотренных нормами права неблагоприятных последствий», и далее «...юридическая ответственность представляет собой реализацию правовых санкций».¹ Распространена подобная точка зрения и в настоящее время.²

Известной ее разновидностью являются определения, делающие упор на неблагоприятные последствия, которым обязан подчиниться правонарушитель. Это или «возложение на него дополнительных обязанностей»³ или «определенная мера должного поведения лица за противоправное деяние»,⁴ т. е. по существу не что иное, как реализация санкции за совершенное правонарушение. Об этом прямо пишет Л. Б. Алексеева: ретроспективная ответственность — есть «такой способ воздействия на нарушителей закона, который состоит в возложении новой юридической обязанности — претерпеть меры штрафного, карательного характера».⁵

¹ **Барабаш А.С.** Уголовная ответственность, наказание и меры процессуального принуждения //Правоведение. -1981. - № 6. - С. 72 - 76

Вместе с тем такой подход ценен тем, что здесь ответственность связывается прежде всего с содержанием правоотношения, возникшего в результате совершения правонарушения. В итоге обязанность лица, совершившего преступление, отвечать за содеянное, подвергнуться мерам государственного принуждения и право государства применить в отношении данного лица принуждение оправданно предстает в качестве составной части правоотношения.⁶ Однако и в указанной конструкции есть пробелы. Например, не ясно, каким образом проявляет себя такая обязанность. Если рассматривать последнюю как обязанность лица, совершившего преступление, отвечать за содеянное, то неизбежен вывод, что, существуя объективно и отражаясь в сознании субъекта, она не проявляет себя вовне, не объективируется до тех пор, пока данное лицо не будет установлено.

Вероятно, учитывая известную непоследовательность своей позиции, авторы, поддерживающие ее, специально подчеркивают, что ответственность проявляется с момента привлечения лица в качестве обвиняемого, так как именно с этого момента становится возможным применять к нему меры процессуального принуждения, через которые, как они полагают, и реализуется уголовная ответственность.⁷

При такой трактовке сфера действия ответственности уже не замыкается наказанием, а увязывается с любым видом государственного принуждения, применяемого в связи с совершенным правонарушением. Так, Н. А. Огурцов и А. В. Наумов прямо утверждают: «Там, где начинается государственное принуждение как последствие совершенного преступления, там и начинается уголовная ответственность. В связи с этим уголовная ответственность не может быть сведена лишь к наказанию. Специфические меры государственного принуждения... заключаются не только в назначении наказания, но и в применении к лицу, обвиняемому в совершении преступления, мер процессуального принуждения».⁸

Теоретическая несостоятельность отождествления уголовной ответственности и: наказания становится очевидной при анализе действующего законодательства (ст. ст. 50, 50¹, 51, 52, УК РСФСР). В пользу того, что уголовная ответственность и наказание, хотя и тесно связанные, но разные понятия, свидетельствует и ст. 303. УПК РСФСР, регламентирующая вопросы, разрешаемые судом при постановлении, приговора. Она четко разделяет вопросы, решение которых (п. п. 1, 2, 3, 4 ч. 1) дает возможность говорить о наличии в данном случае состояния уголовной ответственности. Положительный ответ на них позволяет перейти к решению вопросов, относящихся к наказанию, сформулированных в п. п. 5, 6, б¹ ч. 1.

В случае, когда в понятие уголовной ответственности включаются меры процессуального принуждения, сделать это не так просто, тем более, что закон в ряде норм дает основание для подобного утверждения. Например, в п. п. «а» и «б» ч. 1 ст. 211 УПК РСФСР прямо устанавливается, что прокурор обязан «привлекать к уголовной ответственности лиц, виновных в совершении преступлений..., строго следить за тем, чтобы ни один гражданин не подвергнулся незаконному и необоснованному привлечению к уголовной ответственности...». Ст. 28 Закона о прокуратуре СССР закрепляет аналогичное положение. Дает к тому основания и терминология, применяемая в ряде других статей УПК РСФСР и иных нормативных актах.

Если же проанализировать статьи, где говорится только о «привлечении к уголовной ответственности», то вывод названных авторов на первый взгляд представляется верным. Однако, думается, что законодатель вкладывает в термин «уголовная ответственность в разных статьях неодинаковое содержание. В ч. 1 ст. 3 Основ (ч. 1 ст. 3 УК РСФСР) говорится, что уголовной ответственности и наказанию подлежит только лицо, виновное в совершении преступления, т. е. умышленно или по неосторожности совершившее предусмотренное уголовным законом общественно опасное деяние. Ч. 1 ст. 11 УК РСФСР закрепляет положение, в силу которого Не-подлежит уголовной

ответственности лицо, которое во время совершения общественно опасного деяния находилось в состоянии невменяемости. Ст. 10 УК РСФСР предусматривает уголовную ответственность лиц, которым до совершения преступления исполнилось шестнадцать лет. Таким образом, формулируя данные нормы, законодатель имеет в виду основание уголовной ответственности, определяет субъектов ответственности.⁹ Тем самым здесь в термин «уголовная ответственность» вкладывается уголовно-правовой смысл.

Когда же он регламентирует деятельность правоохранительных органов по установлению виновности лица в совершении инкриминируемого ему деяния, то, прибегая к термину «привлечение к уголовной ответственности», в него вкладывается уже уголовно-процессуальный смысл. В этом случае ст. 2 Основ (ст. 2 УПК РСФСР); ст. 41 Основ (ст. 48 УК РСФСР); ст. 211 УПК РСФСР (ст. ст. 3, 28 Закона о прокуратуре СССР) имеется в виду субъект уголовно-процессуального отношения, возникшего в результате привлечения лица в качестве обвиняемого. Об этом же свидетельствуют ст. 36 Основ законодательства Союза ССР и союзных республик о судостроительстве СССР, ст. 9 Положения о военных трибуналах, принятые третьей сессией Верховного Совета СССР десятого созыва.¹⁰

Субъект уголовно-правового отношения не тождествен субъекту уголовно-процессуального отношения, возникшему в результате применения норм процессуального права (привлечение в качестве обвиняемого, предание суду и т. д.). Субъект уголовно-правового отношения — «...лицо, действительно совершившее преступление, виновность которого признана и подтверждена вступившим в законную силу приговором — преступник».¹¹ Недоучет данного важного аспекта, как справедливо подчеркивает Л. Е. Сигалов, ведет к «процессуализации» уголовной ответственности.¹²

Внесение в понятие «привлечение к уголовной ответственности» уголовно-правового значения неправомерно и по той причине, что в конечном

счете это может привести к обвинительному уклону, отождествлению обвиняемого с виновным, т. е. лицом, виновность которого достоверно установлена. Кроме того, в данном случае упускается из виду, что уголовная ответственность не может реализовываться через меры процессуального принуждения, поскольку они имеют различные конкретные цели. О целях применения уголовной ответственности можно говорить исходя из ст. 43 Основ (ст. 50 УК РСФСР). Они могут быть признаны достигнутыми, если ко времени расследования или рассмотрения дела в суде вследствие изменения обстановки совершенное деяние утратило характер общественно опасного или личность виновного перестала быть общественно опасной, или если будет признано, что его исправление и перевоспитание возможно без применения уголовного наказания.

Напротив, цели применения мер процессуального пресечения вовсе не направлены на реализацию уголовной ответственности. Они могут применяться лицами, производящими дознание, следователем, прокурором и судом для того, чтобы воспрепятствовать обвиняемому скрыться от следствия и суда, помешать установлению истины по делу, продолжать преступную деятельность, а также для обеспечения исполнения приговора (ст. 33 Основ). Следовательно, основное назначение мер пресечения — создать благоприятные условия для достижения истины в процессе, предотвратить совершение иного преступления. Добавим, что «...меры, применяемые в отношении обвиняемого для пресечения уклонения от дознания, следствия... не являются еще несением уголовной ответственности. Если бы это было несением уголовной ответственности, то не было бы необходимости оговаривать, как засчитывать срок предварительного заключения при вынесении приговора».¹³

При привлечении лица в качестве обвиняемого у нас нет полной гарантии, что оно действительно совершило преступление. Если же признать, что с момента привлечения лица к уголовной ответственности в качестве

обвиняемого наступает реализация уголовной ответственности, то тогда логически напрашивается вывод, что последняя создается органами, ведущими расследование по делу, может быть возложена на лицо, в действительности не совершившее преступление. Итак, основная ошибка авторов, придерживающихся рассматриваемой точки зрения, — в смешении уголовно-правовых и уголовно-процессуальных отношений.

В последнее время в науке уголовного процесса разрабатывается понятие ответственности в процессуальном смысле.¹⁴ Это закономерно. Ответственность — один из способов государственной защиты от нарушения правовых предписаний. В сфере общественных отношений, урегулированных нормами процессуального права, не менее важно, чем в других отраслях, обеспечить функционирование норм права, а в случае их нарушения своевременно и быстро восстановить правильный ход процесса, чему и служит процессуальная ответственность. Ее существование — еще один довод против утверждения, будто уголовная ответственность реализуется в рамках мер процессуального принуждения.

Дальнейший шаг в разработке понятия уголовной ответственности — выдвижение при исследовании указанного понятия на первый план осуждения (порицания), отрицательной морально-политической оценки лица, совершившего преступление.¹⁵ В то же время, говоря об осуждении как проявлении в той или иной мере сущности ответственности, некоторые авторы до сих пор не проводят четкой грани между ответственностью и наказанием.¹⁶ Вероятно, более правильно все же утверждение, что «...для уголовной ответственности необходимо и достаточно осуждения (порицания) государством виновного в совершении преступления, выраженного в обвинительном приговоре...».¹⁷ В самом деле, государство, установив лицо, совершившее преступление, в тех случаях, когда этого требуют интересы борьбы с преступностью, задачи общей и частной превенции, осуждает его за

совершенное общественно опасное деяние, что выражается в вынесении обвинительного приговора.

При таком понимании сущности ответственности становится возможным отграничить ее от наказания и иных мер государственного принуждения, подчеркивается исключительная роль суда в осуществлении социалистического правосудия. Уголовно-правовые отношения, возникшие в момент совершения преступления между государством и лицом, виновным в совершении преступления, вправе от имени государства в соответствии со ст. 160 Конституции СССР, в которой закреплен принцип осуществления правосудия только судом,¹⁸ устанавливать (констатировать) лишь суд.

Правосудие по уголовным делам не может осуществляться без решения вопроса о виновности или невиновности лица, привлеченного в качестве обвиняемого, и вопроса о наказании этого лица в случае доказанности его вины. Если же понимать ответственность только как осуждение лица за совершенное им правонарушение, то из поля зрения упускаются правовые предпосылки, без которых нельзя понять ответственность.

Уголовная ответственность неразрывно связана с уголовным правоотношением, возникающим в результате совершения преступления, составляет неотъемлемую его часть. Исходя из этого в нее следует включать право государства на осуждение (порицание) преступника и обязанность последнего претерпеть подобное отношение к нему со стороны государства. К анализу правоотношений в данной области применимо деление на правоотношения в статике и динамике.¹⁹ Преступление порождает определенные права и обязанности (правоотношение в статике), но здесь еще нет непосредственной связи между субъектами, нет реализации взаимных прав и обязанностей, что характерно для традиционного понимания правоотношения. При установлении конкретных субъектов между ними начинается реализация прав и обязанностей (правоотношение в динамике). Иначе говоря, уголовная ответственность в динамике — реальное претерпевание лицом

осуждения со стороны государства за совершенное им преступное деяние. Она устанавливается (констатируется) только при вынесении судебного приговора, где четко определены субъекты уголовно-правового отношения, их права и обязанности. Однако сказанное не означает, будто уголовная ответственность, как считают отдельные авторы, возникает с момента вынесения обвинительного приговора.²⁰ Приговор не может породить уголовного правоотношения, как и уголовной ответственности, в нем лишь устанавливается наличие или отсутствие в данном случае уголовного правоотношения.

Уголовно-процессуальная деятельность направлена на установление уголовного правоотношения и уголовной ответственности в статике, т. е. на установление права государства на осуждение и обязанности лица, совершившего преступление, подвергнуться осуждению. Если утверждать, что уголовная ответственность возникает в момент вынесения приговора, то тогда она превращается в чисто субъективную категорию, порождаемую приговором суда.

Право на осуждение и обязанность подвергнуться ему возникает при совершении преступления. Существование их устанавливается в рамках процесса. С момента установления этих прав и обязанностей начинается их реализация. Недопустимо поэтому отрывать одно от другого, как недопустимо отрывать явление от сущности. Право подвергнуть осуждению и обязанность подвергнуться ему наравне с реализацией данных прав и обязанностей — реальным претерпеванием государственного осуждения — должно включаться в единое понятие уголовной ответвен-

¹ Самощенко И. С. К вопросу о причинности в области юридической ответственности. — В кн.: Вопросы общей теории советского права. М., 1960,

с. 340—341; см. также Лейст О. Э. Санкции в советском праве. М., 1962, с. 85 и др.

² См., в частности: Астемиров З. А. Уголовная ответственность и наказание несовершеннолетних. М., 1970, с. 10; Стручков Н. А. Уголовная ответственность и ее реализация в борьбе с преступностью. Изд-во Саратовск. ун-та, 1978, с. 32 и др.

³ Чечина Н. А., Элькинд П. С. Об уголовно-процессуальной и гражданско-процессуальной ответственности. — Советское государство и право, 1973, № 9, с. 34.

⁴ Клюков Е. М. Мера процессуального принуждения. Изд-во Казавск. ун-та, 1974, с. 27.

⁵ См.: Советский уголовно-процессуальный закон и проблемы его эффективности. Под ред. В. М. Савицкого. М., 1979 с. 165.

⁶ См., в частности: Вицин С. С. О понятии уголовной ответственности. Сборник статей адъюнктов и соискателей М 1968 с. 83—84.

⁷ См.: Брайнин Я. М. Уголовная ответственность и ее основание в советском уголовном праве. М., 1963, с. 27—28; Стручков Н. А. Указ, соч., с. 47.

⁸ Огурцов Н. А., Наумов А. В. Понятие уголовной ответственности. — Тр. Высшей следственной школы МВД СССР, вып. 1. Волгоград, 1969, с. 163—164.

⁹ См.: Сигалов Л. Е. Этапы и процессуальные формы развития уголовно-правовых отношений ответственности, наказания и судимости. — В кн.: Процессуальные проблемы реализации уголовной ответственности. Свердловск, 1979, с. 6.

¹⁰ См.: Ведомости Верховного Совета СССР, 1980, № 27, с. 569, 571.

¹¹ Огурцов Н. А. Правоотношение и ответственность в советском уголовном праве. Рязань, 1977, с. 82.

¹² См.: Сигалов Л. Е. Указ, соч., с. 9—10.

¹³ Загородников Н. И. О пределах уголовной ответственности. — Советское государство и право, 1967, № 7, с. 44.

¹⁴ См.: Чечина Н. А., Элькинд П. С. Указ, соч., с. 34; Элькинд П. С. Цели и средства их достижения в советском уголовно-процессуальном праве. Л., 1976, с. 92—105; Мотовиловкер Я. О. Уголовно-процессуальная ответственность обвиняемого и уголовно-материальная ответственность виновного. — Правоведение, 1977, № 1, с. 59—65; Ковалев В. М. Проблемы уголовно-процессуальной ответственности.— В кн.: Проблемы юридической ответственности и совершенствование законодательства в свете новой Конституции СССР. Рязань, 1979 и др.

¹⁵ См.: Тихонов К. Ф. Субъективная сторона преступления. Саратов, 1967, с. 39—44; Ной И. С. Сущность и функции уголовного наказания в советском государстве. Изд-во Саратовск. ун-та, 1973, с. 41; Курляндский В. И. Уголовная политика, дифференциация и индивидуализация уголовной ответственности.— В кн.: Основные направления борьбы с преступностью. М., 1975, с. 77; Осипов П. П. Теоретические основы построения и применения уголовно-правовых санкций. Изд-во Ленингр. ун-та, 1976 и др.

¹⁶ Фарукшин М. Х. Общие принципы юридической ответственности в советском обществе. — Советское государство и право, 1967, № 5, с. 116, 118; Братусь С. Н. Спорные вопросы теории юридической ответственности. — Советское государство и право, 1973, № 4, с. 33, 35; и др.

¹⁷ Санталов А. И. Об уголовной ответственности и ее процессуальном выражении. — Вести. Ленингр. ун-та. Сер. «Экономика, философия и право», 1972 № 23, с. 127.

¹⁸Разработку принципа осуществления правосудия только судом см.: Лукашевич В. З. Ленинский принцип осуществления правосудия только судом. — Вести. Летынгр, ун-та. Сер. «Экономика, философия и право», 1975, № 17.

¹⁹См.: Горский Г. Ф., Кокорев Л. Д., Элькинд П. С. Проблемы доказательств в советском уголовном процессе. Воронеж, 1978, с. 14.

²⁰См.: Рахунов Р. Д. Участники уголовно-процессуальной деятельности по советскому праву. М., 1961. с. 62—63; Загородников Н. И. О пределах уголовной ответственности.— Советское государство и право, 1967, № 7, с. 38, 40; Смирнов В. Г. Функции советского уголовного права. Изд-во Ленингр. ун-та, 1965, с. 157—159 и др.